

в книге (с. 304), а “Херсон”²¹. Полагая, что “Карловы книги” были написаны, “скорее всего”, коллективом под руководством Алкуина (с. 424), В.М. Лурье упускает из виду работы Э. Фрименн, убедительно доказавшей авторство Теодульфа Орлеанского²².

Стремясь показать “непрерывную преемственность идей в истории византийского богословия” (с. 313), не усмотрел ли автор эту преемственность преимущественно среди тех учений, которые были отвергнуты в Византии как еретические? Вне зависимости от ответа на этот вопрос, работа наверняка выиграла бы, если бы исследователь постарался подкрепить все случаи пересказа древнехристианских и византийских авторов цитатами или хотя бы ссылками на источники, порой отсутствующими при приводимых цитатах. Кроме того, не слишком ли много сил потратил историк на предположения о том, как выглядели воззрения тех или иных авторов, сочинения которых сохранились лишь частично? Люди бывают непостоянны в своих взглядах и словоупотреблении, как, например, не был постояен в своем использовании слова *ὑπόστασις* Феодорит Кирский²³. Поэтому, как по уцелевшим частям мозаики, фрески или иконы нельзя с уверенностью восстановить исчезнувшие фрагменты, так по отдельным сохранившимся произведениям или только цитатам древних авторов вряд ли можно додумать, что именно они писали в утерянных сочинениях.

Наконец, книга стала бы лучше, если бы В.М. Лурье снабдил каждую главу библиографическими указаниями – имеющиеся кажутся редкими и недостаточными. Отдельные ссылки на многотомное исследование А. Грильмайера и Т. Хайнталлер, предмет которого во многом совпадает с предметом книги, с трудом позволяют судить о том, в какой мере оно было использовано автором и как оно им оценивается.

Исследование В.М. Лурье занимает особое место среди обзорных работ по истории религиозной мысли в Византии. Оно отмечено стремлением к целостному и самобытному взгляду, обилием сведений, наблюдений и предположений, а его предмет изложен большей частью с редкими живостью и яркостью. Автор проявил немалую смелость в своих догадках, которые заслуживают внимательного рассмотрения.

А.В. Бармин

Discours annuels en l'honneur du patriarche Georges Xiphilin / Textes édités et commentés par M. Loukaki, traduits par C. Jouanno. Collège de France – CNRS. Centre de Recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 18. P., 2005.

Новая книга греческой исследовательницы М. Лукаки посвящена “рядовым” памятникам византийской риторической словесности XII в., не выделяющимся ни особой информативностью с точки зрения событийной истории, ни принадлежностью перу какого-либо знаменитого автора. Такого рода сочинения, во множестве сохранившиеся в средневековых рукописях, даже и в наше время нечасто становятся предметом внимания исследователей. Между тем, панегирики в честь патриархов заслуживают внимания уже потому, что при всей шаблонности, свойственной произведениям этого жанра, расцвет его связан со строго определенными

²¹ Храпунов Н.И. О средневековом названии города Херсона // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 46–48.

²² См., в частности, ее вступление к критическому изданию памятника: *Freemann A. Einleitung // MGH. Conc. 2. Sup. 1. Hannover, 1998. S. 1–93.*

²³ См.: *Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. 1: Von der apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalcedon (451). Freiburg; Basel; Wien, 1990/2004. S. 693–695.*

историческими обстоятельствами. Как известно, к 1107 г. относят учреждение Алексеем I Комнином патриаршей школы, которая стала с тех пор основным центром столичной образованности и одновременно своеобразной кузницей кадров для Константинопольской патриархии. Помимо собственно обучения молодежи в обязанности преподавателей этой школы входило регулярное произнесение церковных проповедей и торжественных речей, приуроченных к определенным дням церковного календаря. Одним из таких ежегодных ритуалов стало чествование патриарха, совершавшееся в Лазареву субботу: в этот день магистр риторов мог публично выразить свою благодарность предстоятелю Константинопольской церкви за назначение на этот ответственный пост, а его ученики – продемонстрировать свои способности к красноречию.

Из множества сохранившихся панегириков XII в., появление которых связано с этим обычаем, М. Лукаки отобрала для публикации лишь небольшую группу речей, составленных Георгием Торником Младшим и его учениками в честь патриарха Георгия Ксифилина (1191–1198). Помимо собственно текстов существенную часть книги составляет обширное введение, в котором подробно излагаются все обстоятельства, сопутствовавшие их возникновению. Первая глава этого введения состоит из очерков, посвященных самому патриарху Георгию Ксифилину и его панегиристам. Как выясняется, хвалебные речи в честь патриарха мало что добавляют к нашим познаниям о его биографии: панегиристы вполне сознательно отказываются распространяться на эту тему, подчеркивая лишь то, что родным городом их героя является Константинополь – “град наук, мастерская всякой добродетели, училище всяческой мудрости”. В то же время их речи содержат отклики на деятельность Георгия Ксифилина в качестве патриарха: каждый из авторов считает нужным отметить его борьбу с коррупцией среди духовенства, а Георгий Торник отзывается на известное и по другим источникам решение, согласно которому патриарший протэджик (председатель судебной коллегии) причислялся к числу высших сановников Константинопольской патриархии, так называемых ἑξοκατάκοιλοι (именно с тех пор их число равнялось шести). Еще более важно то, что панегиристы с удовлетворением отмечают происхождение Георгия Торника из клира Святой Софии, к которому принадлежали и преподаватели патриаршей школы. Чтобы подчеркнуть значительность этого факта, Георгий Торник прибегает к высказыванию из книги Притч: “Пей воду от твоих сосудов и твоих кладезей источника” (Притч. 5, 15). Чистой воде противопоставляется “чуждый темноводный источник”, в котором несложно узнать монашество, чуждое традициям образованности, культивировавшейся в патриаршей школе. Таким образом, как патриаршие энкомии, так и сама ежегодная церемония чествования патриарха предстают перед нами в качестве любопытного свидетельства корпоративной солидарности софийского духовенства.

Гораздо меньше известно о самом Георгии Торнике, сыне Димитрия Торника, занимавшего должность логофета дрома в 1191–1201 гг., и племяннике Георгия Торника Старшего, ставшего митрополитом Эфесским в 1154/1155 г. Тем не менее ясно, что его деятельность в качестве магистра риторов относится к периоду 1192/1193–1199 гг. Что касается остальных трех панегиристов, то двое из них (Иоанн Франгопул и Мануил Сарантин) были учениками Георгия Торника. Первый из них неизвестен по другим источникам, в то время как личность второго является предметом дискуссии в историографии: М. Лукаки излагает различные точки зрения относительно возможности его отождествления с патриархом Мануилом Сарантином (1217–1222), а также автором ряда произведений, сохранившихся в одной рукописи (Vind. phil. gr. 321) под именем Мануила Карантина. Наконец третья речь была написана уже известным в то время ритором Константином Стилвом, в дальнейшем принявшим монашество под именем Кирилла, для некоего молодого ученика патриаршей школы.

Во второй главе введения исследовательница переходит к характеристике публикуемых в книге текстов. Прежде всего она описывает общие особенности патриарших панегириков как жанра в сравнении с панегириками императорскими. Как выясняется, в обоих случаях ораторы пользуются одними и теми же художественными средствами для создания образа своего героя: его восхождение на монарший или пастырский престол предопределено свыше, он уподобляется солнцу, чьи лучи разгоняют тьму, он неустанно заботится о благе вверенного ему народа, он обладает такими качествами, как мудрость, справедливость и человеколюбие. В то же время между двумя видами энкомиев есть существенное различие: поскольку патриарх является духовным руководителем, при описании его деятельности редко прибегают к образам, связанным с войной и военным делом, хотя необходимость борьбы с ересями (хотя бы только словесным оружием) могла бы дать к этому повод. Кроме того, если авторы императорских панегириков широко используют различные сюжеты из античной истории и мифологии, то патриарха сравнивают исключительно с персонажами Ветхого и Нового заветов, начиная с Самого Христа.

Затем М. Лукаки переходит к вопросу о датировке похвальных речей в честь Георгия Ксифилина. Основные соображения на сей счет были высказаны В. Лораном, который обратил внимание на то, что в первой речи Георгия Торника содержатся аллюзии на первую (и единственную сохранившуюся) огласительную беседу нового патриарха, посвященную началу великого поста, а во второй упоминается распоряжение об изменении статуса протэксдика, также относящееся к начальному периоду его патриаршества. Таким образом, обе похвальные речи магистра риторов должны были быть произнесены в первые две Лазаревых субботы, пришедшиеся на патриаршество Георгия Ксифилина, т.е. 28 марта 1192 г. и 20 марта 1193 г. Соглашаясь с этими аргументами, исследовательница в то же время проявляет известную осторожность в отношении трех других энкомиев: если В. Лоран считал возможным также отнести их к 1192–1193 гг. (основным аргументом в данном случае служило упоминание Иоанна Франгопула об огласительной беседе патриарха, лишенное, в отличие от речи его учителя, всякой конкретики), то М. Лукаки считает, что имеющиеся данные не позволяют уточнить их датировку в рамках периода 1192–1198 гг. В самом деле, Георгию Ксифилину могли принадлежать и другие катехизические поучения, не дошедшие до нашего времени, а церемония приветствия патриарха магистром риторов и его учениками повторялась из года в год.

Третья глава введения, наименьшая по объему, посвящена рукописной традиции энкомиев: издание основывается прежде всего на эскуриальском кодексе Y.II.10 (265), который относится к концу XII или началу XIII в., т.е. был создан вскоре после составления самих текстов. Это единственная рукопись, в которой сохранились все пять похвальных речей, посвященных Георгию Ксифилину. Далее идет текст памятников, снабженный критическим аппаратом и обширным филологическим комментарием, в основном посвященным раскрытию значения риторических образов и аллюзий, к которым прибегают панегиристы.

В целом издание производит очень хорошее впечатление и может считаться образцом того, как следует преподносить ученой публике сложные риторические тексты, которые остались бы малопонятными без включения их в широкий контекст эпохи. В качестве небольшого недостатка книги рецензентами уже отмечалась некоторая несогласованность работы издателя и переводчика, из-за которой курсивные выделения цитат в греческом и французском тексте иногда не вполне соответствуют друг другу¹. К этому можно добавить пару неточностей перевода (вообще говоря, весьма грамотного и хорошо передающего стиль оригинала). В частности, французское выражение *ce qui n'a pas du tout de valeur* ("то, что не имеет никакой

¹ См. рец. Ф. Антонопулу на это изд.: BZ. 2008. Т. 100, Н. 2. S. 864–867.

ценности”) едва ли можно считать адекватной передачей греческого τὰ μὴδὲ τοῦ παντὸς τιμώμενα (“то, чего не стоит весь мир”), хотя от этого и не меняется общий смысл фразы, состоящий в утверждении превосходства небесных благ над земными (с. 78–79). На с. 162–163 греческий пассаж βροντὴν ἐκεῖνο φαίην τὸ κήρυγμα, ἦν Θεὸς ὡς ἐφ’ ὑδάτων ἐβρόντησε, τῆς καθ’ ἡμᾶς ῥοώδους οὐσίας καὶ πλαδαράς передан как “cette proclamation je la comparerais volontiers au coup de tonnerre que Dieu a fait retentir sur les eaux, <image> de notre être labile et flasque”: на наш взгляд, добавление слова image в угловых скобках здесь излишне, поскольку в данном случае не воды выступают в качестве образа человеческого естества, а человеческое естество (над которым, по мнению панегириста, действительно прогремел голос патриарха!) сравнивается с водой.

Однако самым существенным недостатком книги представляется неудачное, на наш взгляд, полиграфическое оформление греческого текста. К сожалению, распространение компьютерного набора не способствовало сохранению лучших типографских традиций, которыми некогда славилось французское книгоиздание: использованный в книге греческий шрифт некрасив, а размещение надстрочных знаков над буквами оставляет желать много лучшего с эстетической точки зрения. Кроме того, серединная *бета*, использование которой в качестве обязательного контекстного варианта по сию пору остается характерной “визитной карточкой” французской традиции греческого набора, явно сделана “на коленке” и выделяется своей неуклюжей формой на фоне окружающих ее букв. Об этом обстоятельстве можно лишь пожалеть, поскольку к данному изданию наверняка придется обращаться не одному поколению будущих исследователей.

А.М. Крюков

СОЗДАНИЕ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ: ДВЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Иеротопия. Т. 1: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред. А.М. Лидов. М.: “Индрик”, 2006. 763 с.

Иеротопия. Т. 2: Сравнительные исследования сакральных пространств / Ред. А.М. Лидов. М.: “Индрик”, 2009. 383 с.

Двухтомный сборник отечественных и зарубежных исследований посвящен разработке различных аспектов создания сакральных пространств в средневековых культурах. Книги представляют собой две части одного масштабного проекта, строящегося вокруг идеи иеротопии, которая формулируется в последние годы А.М. Лидовым. Ядром обсуждаемых томов явились материалы Международного симпозиума “Иеротопия”, инициированного А.М. Лидовым и проведенного Центром восточнохристианской культуры и Государственной Третьяковской галереей в июне 2004 г.¹ Помимо докладов, прозвучавших на симпозиуме, в сборник вошли и специально подготовленные для него статьи.

Идея иеротопии, вызвавшая живой интерес как в нашей стране, так и за рубежом, была, в частности, обсуждена и апробирована на XXI Международном конгрессе византийских исследований в Лондоне (август 2006 г.) в рамках секции “Сакральное пространство”. В обсуждении помимо самого А.М. Лидова в качестве докладчиков участвовали известные исследователи Слободан Чурчич, Роберт Нель-

¹ Иеротопия. Исследование сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2004.